

ЖЕРЕБКОВ В. А.

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ МЕТАЗНАК

Усилившийся в последние годы интерес к типологизации условий реального языкового общения привел к возникновению ряда теорий и целых дисциплин, совмещающих положения лингвистики с новейшими данными смежных наук, прежде всего психологии, социологии, логики и литературоведения. В предлагаемой статье делается попытка систематизации истоков этого совмещения на базе коммуникативной модели, восходящей еще к временам античности (ср. у Платона: «Один — другому — о предмете — посредством языка» — цит. по [1, с. 71]).

Формула Платона описывает элементарный акт языковой коммуникации, своего рода ее «молекулу» [2, с. 14 и сл.]. Заменяв выражение «один другому» на «говорящий — слушающий» («пишущий — читающий») и приняв во внимание дихотомию «язык — речь», получим:

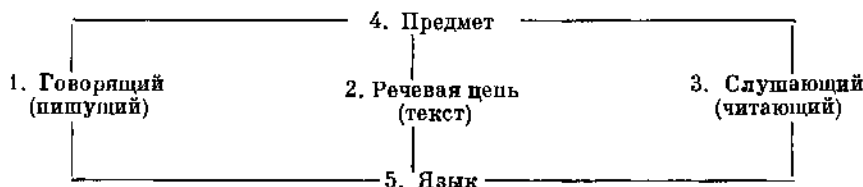

Рис. 1. Модель «молекулы» языковой коммуникации

Изображенная здесь «молекула» языковой коммуникации обычно включается в более сложные виды речевой деятельности, прежде всего в переменно-направленный комплекс высказываний (диалог), а также в тематизированную связную речь (повествование и описание), которая может характеризоваться потенциальной направленностью.

Понятия, названные в модели при помощи определенных слов, несомненно, имеют терминологическую природу, относясь к области теории коммуникации вообще и языковой коммуникации в частности. Поскольку же предмет данной теории — естественная коммуникация, имеющая дело с языковыми и иными коммуникативными знаками, то термины, в которых описывается эта коммуникация, являются вторичными, метакоммуникативными знаками, или метазнаками, т. е. предназначены, так сказать, для «коммуникации о коммуникации»¹.

Метакоммуникативные знаки, введенные в модель, являются ее составными частями (компонентами); они вступают между собой в определенные отношения, обозначенные на рис. 1 с помощью линий. И наконец, каждому из метазнаков свойственно определенное отношение к неязыковой действительности. Таким образом, компоненты коммуникативной модели, взятые по отдельности, обладают реляционной и референциальной значимостью, а вся модель в целом, подобно комплексным языковым единицам, — компонентной и реляционной структурой; она характеризуется также референциальной значимостью, выводимой, как обычно, из референциальной значимости компонентов, но не равняющейся их сумме. Но если это так, то и вся модель является не чем иным, как своего рода комплексным метакоммуникативным знаком (комплексным метазнаком).

¹ Для отличения метаязыков от однопименных названий реальных объектов — людей, предметов, явлений, высказываний, текстов и их компонентов — в статье по мере надобности используются уточнения типа «понятие» или кавычки.

Знаковая природа модели языковой коммуникации подтверждается ее двусторонней сущностью: она имеет как определенный план выражения — слова и символы в схеме, так и план содержания — стоящие за этими словами и символами понятия. Кроме того, эта модель, как и обычный лингвистический знак, характеризуется «асимметрическим дуализмом» [3], а именно: с одной стороны, коммуникация может осуществляться не только с помощью своего основного средства — языка, но и посредством других семиотических систем (например, рисунков-символов, а также паралингвистических действий — мимики, жестов и т. п. в ходе изучения которых возникла специальная теория невербальной коммуникации) [4]; с другой стороны, язык, помимо своего главного, коммуникативного назначения, выполняет и многие иные функции (например, эстетическую, которая, в отличие от ряда других, скажем, познавательной, едва ли сводима к коммуникации, как бы широко мы ее ни трактовали).

Коммуникативная модель, изображенная на рис. 1, как и ее модификации, не только отражает естественную коммуникацию, но и заключает в себе — будучи вершинным метазнаком — квинтэссенцию многих лингвистических проблем и объясняющих их теорий. При этом имеются два существенных ограничения — ориентация на один отдельно взятый язык и синхрония.

Первое ограничение связано с тем, что естественная коммуникация между двумя и более партнерами осуществляется обычно на одном и том же языке; наиболее существенным исключением, а скорее — осложнением, является общение через переводчика. Второе ограничение проистекает из симультанного характера естественной коммуникации в ее исходной форме непосредственного устного общения, при котором коммуниканты контактируют во времени и пространстве. При разобщении коммуникантов — прежде всего во времени — для осуществления коммуникации обычно требуется фиксация речевой цепи в письменной или иной форме, причем значительный временной интервал может блокировать коммуникацию (ср., например, непонимание древних текстов современным читателем).

Поскольку же любое лингвистическое исследование является метакоммуникацией (внутренней или внешней, а также комбинированной), то из рассмотрения модели на рис. 1 исключаются такие проблемы, как классификация и взаимодействие языков, их историческое развитие и пр. Прочие же проблемы языковой коммуникации в целом находят в данной модели весьма полное отражение, ибо о языке можно судить только на базе самого языка, точнее — его актуализации в речевой цепи (тексте) и при помощи языковых и метаязыковых средств. К средствам первого рода относятся, в частности, трансформационные операции, которые основаны на естественной коммуникации информантов [5] и/или внутренней коммуникации лингвиста с самим собой (последнее, как замечает К. Глой, [6, с. 365], имеет место, например, в работах Н. Хомского). К средствам второго рода относятся понятия, термины и символы языкознания и смежных наук. Ср.:

Дверь открыта? — Да, ее открыли (Естественное варьирование высказывания о реальном предмете на базе уточняющей синонимии).

(1) *Дверь открыта. → Дверь открыли.* (Трансформация замены, субституция — на той же базе).

(2) *«Дверь» — это существительное, а не прилагательное.* (Метавысказывание о слове *дверь*).

Рассмотрим с этой точки зрения упомянутые выше параметры коммуникативной модели. Для исследований ее компонентной структуры характерен поиск более общих названий компонентов. В этой связи термины «говорящий» (1) и «слушающий» (3) из рис. 1 часто заменялись, например, на термины теории информации («отправитель — получатель» или «трансмиссор — реципиент»), которые включают в себя понятия не только говорящего и слушающего, но также пишущего и читающего [1, 2, 4]. Соответственно, в позиции 2 появлялся термин «сообщение» (message, Nachricht), а язык получал наименование «код». Кроме этих терминов,

а иногда и наряду с ними использовались производственные понятия типа «производитель», «продукт», «потребитель». В английском языке оказался возможным терминологический ряд «communicator — communicat — communiqué», последний из членов которого точного русского и немецкого аналогов не имеет, о чем свидетельствует немецкий перевод известной монографии Ч. Морриса [7]. Наконец, в последнее время в теорию коммуникации стали проникать кибернетические термины типа «оператор» и «оперативная память».

За этими поисками остался практически незамеченным другой вид обобщения, который органически присущ коммуникативной модели как метазнаку вне особой зависимости от того, какие именно термины избраны для наименования ее компонентов. Этот вид обобщения состоит в том, что компоненты модели по-разному отражают отведенный им той или иной терминологической системой участок объективной действительности, как языковой, так и внеязыковой.

Наименьшим это обобщение является в речевой цепи (компонент 2), которая никак не может представить весь языковой продукт хотя бы потому, что к ней всегда можно добавить еще одно предложение (принцип $n + 1$). При непосредственном же общении цепь обычно ограничивается одним или несколькими предложениями. Аналогичным образом ограничен и «предмет» (компонент 4), который может быть охарактеризован здесь по принципу выбора из некоторой совокупности. При этом следует различать материальные и идеальные предметы; последние выработаны человечеством при помощи языка и в свою очередь воздействуют на него. Поэтому они являются не просто экстралингвистическими, как это часто считается, а своего рода ко-лингвистическими факторами (mitsprachliche Faktoren). В целом обобщение, создающее метазнаки на базе предметной и речевой (текстовой) емкости коммуникативной модели, может быть названо выборочно-неопределенным; оно соотносимо с одноименной функцией артиклей, местоимений и наречий ряда языков.

Напротив, «язык» (компонент 5) всегда сам по себе имеет совокупный характер, т. е. он является достоянием общества и только в силу этого — и отдельного индивида. Выборочный характер имеет, следовательно, не сам язык как член коммуникативной модели, а его использование в конкретном акте коммуникации.

Особо обстоит дело с «коммуникантами» (компоненты 1 и 3). Еще А. М. Пешковский, анализируя временную отнесенность речи, обратил внимание на то, что «говорящий» здесь надындивидуален, это не просто говорящий, а «всякий говорящий» [8]. Отсюда следует, что компоненты 1 и 3 подвержены не совокупному и не выборочно-неопределенному, а репрезентативному (представительному) обобщению, подобно тому, как это имеет место при так называемом генерализирующем употреблении неопределенного артикля.

Референциальная значимость каждого из компонентов также различна. Так, для речевой цепи/текста (2) она определяется отнесенностью к «предмету» (4), т. е. комбинируется с реляционной значимостью. «Предмет» в свою очередь референтен, можно сказать, самому себе. Оба же «коммуниканта» (1, 3) характеризуются по психологическим и социальным параметрам, т. е. тоже имеют комбинированную референтно-реляционную значимость. Последняя определяется градацией языковой способности с точки зрения ее места в ко-лингвистической системе всех носителей языка, выходящей за рамки коммуникативной модели. Принцип места в ко-лингвистической системе, на этот раз — в сфере материального и идеального окружения, определяет и внутреннюю реляционную структуру «предмета» (если он является многокомпонентным). Для речевой цепи в таком случае также характерна компонентная и, соответственно, референтно-реляционная структура. И, наконец, язык обладает всеми видами значимостей и структур, соотносимых с компонентами коммуникативной модели и с моделью в целом.

Собственно реляционная структура коммуникативной модели, т. е. соотношенность ее компонентов между собою, имеет не менее сложный

характер. Может быть выделена «вертикальная» (по смыслу — референтно-реляционная) ось: «предмет — речевая цепь — язык», причем связь между «предметом» и речевой цепью осуществляется через язык. Ср.:

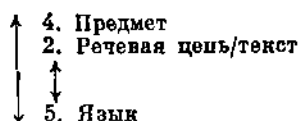

Рис. 2. Референтально релевантный сегмент коммуникативной модели

При говорении или письме названная связь реализуется в направлении 4—5—2, при слушании или чтении — в направлении 2—5—4, причем предмет, в том числе идеальный, конечно, не «передается», а лишь идентифицируется и/или квалифицируется путем сравнения связанных с ним понятийных ассоциаций с содержанием знаков, имеющих в распоряжении коммуникантов. Если их собственный языковой опыт недостаточен, то они всегда могут — особенно при письме и чтении — прибегнуть к коллективному опыту (словари, справочники), что и является одной из причин того, почему язык и в составе коммуникативной модели характеризуется совокупностью (всеобщностью). Но если язык как компонент коммуникативной модели совокупен, то обозначаемый им «предмет» (4) при его исследовании с лингвистических позиций тоже тяготеет к совокупному обобщению, т. е. к представлению не в виде «кусочка» действительности, а в виде всей действительности или ее совокупных участков. Это касается прежде всего идеальных объектов, составляющих предмет логики и философии и выходящих тем самым за рамки коммуникативной модели. В связи с тем, что «язык есть непосредственная действительность мысли» [9], логико-философские знания обладают значительной ко-лингвистической способностью (*mitsprachliche Kraft*), т. к. они не только фиксируются при помощи языковых средств, но и приобретаются в самом тесном взаимодействии с ними. Следствием этого и явился тот факт, что многие лингвистические обобщения, начиная с античной грамматики, ориентировались на логику и философию, заимствуя из них не только термины, но и целые системы. Это относится, например, к схемам предложения, как к «традиционной», так и к «семантической», в основе которых лежат разные интерпретации структуры суждения: субъект — предикат (по Аристотелю); предикат — аргументы (по Фреге). Из логики же заимствован аппарат системного (парадигматического) изображения языковых категорий по оппозитивному принципу, нашедший применение у последователей Ф. де Соссюра, прежде всего у Н. С. Трубецкого, Р. О. Jakobsona и Л. Ельмслева, а затем использованный в многочисленных работах по описанию конкретных языков. Ввиду многозначности и полифункциональности большинства языковых знаков понятия, вводящие их в систему оппозиций, оказались весьма абстрактными, а «привязка» системы к реальному функционированию языка не всегда достаточно убедительной, тем более что выход за пределы коммуникативной модели обычно сопровождался забвением личностных факторов (компоненты 1 и 3).

Принципиально новый подход к изучению языковых явлений стал возможным с появлением современной психолингвистики [10], провозгласившей, что «язык нельзя изучать, если изучать только язык» [11, с. 57]. Эта наука исходила из другого соотношения внутри коммуникативной модели — «горизонтального» (по смыслу — рече-прагматического). Ср.:

Рис. 3. Прагматически релевантный сегмент коммуникативной модели

Сама психолингвистика вскоре специализировалась на внутреннем процессе порождения и восприятия речи, не претендуя на решение лингво-философских проблем. Такая претензия была, как известно, высказана

лишь в работах Н. Хомского [12], хотя ее основой послужила, по мысли автора, не реальная коммуникация, а некоторая, видимо, промежуточная гипотеза, привлекаемая для описания языка. По смыслу этой гипотезы, языковая система есть не набор элементов (знаков), а комплекс правил, носителем которого является, в силу своей компетенции (интуитивной языковой способности), некий «идеальный говорящий—слушающий». «Компетенция» противопоставлено «исполнению» (performance), примерно соответствующее «речи» (la parole) у Соссюра, или реализации способности. Введем лингвофилософскую часть этой интерпретации в анализируемую схему:

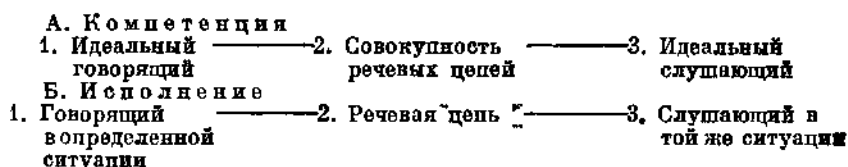

Рис. 4. Система Н. Хомского в наложении на прагматически релевантный сегмент коммуникативной модели

Компоненты в графе А рис. 4 являются абстрактными метазнаками, а в Б — представляют коммуникативную реальность, приблизительно в плане проведенного выше анализа. Однако метазнаки в А семантизированы здесь не в репрезентативном и выборочно-неопределенном смысле, а по принципу «часть вместо целого», ибо «идеальный говорящий — слушающий» выступает у Хомского не как представитель языкового сообщества, а попросту заменяет его и считается носителем «всего языка». Это равносильно неправомерному, хотя и встречающемуся у некоторых логиков отождествлению обобщения единичного (оператор типа «каждый») с совокупным обобщением (оператор типа «все»), которые, однако, равны только по содержанию, но не по объему, ибо любой член совокупности никак не может быть всей этой совокупностью.

Хотя концепция Н. Хомского не столько идеальна, сколько идеалистична, заложенное в ней понятие компетенции сразу обрело, особенно за рубежом, широкую популярность, т. к. оно все же дает большую возможность для ориентации на реальное языковое общение, чем абстрактные парадигматические построения. Одним из важнейших понятий, образованных на базе «компетенции», является введенное Д. Хаймсом [13] понятие коммуникативной компетенции, которое рассматривалось им в качестве дополнения к пункту А (это понятие было впоследствии развито в теории речевого акта и в прагмалингвистике [14, 15]).

Идея подобной, в основном социологической «доработки» лингвофилософского тезиса Хомского состоит в том, что личностные и ситуативные моменты, изображенные на рис. 4, взаимодействуя с собственным языковым выражением, могут быть обобщены и подвергнуты классификации, а потому должны быть представлены не только в сфере реализации (Б), но и в сфере компетенции (А). В данной связи «компетенция» в смысле Хомского подвергается сужению до языковой и даже учебно-методической [16]. Первая часть этой идеи, несомненно, правильна. Такой существенный для общения момент, как иллокутивный акт, т. е. формирование интенции говорящего, легко укладывается в соотношение 1—2—3 с отклонением в сторону позиций 4 и 5 [15, с. 54—71]. Таким образом, он является колингвистическим в нашем понимании, хотя и характерным прежде всего для непосредственной (ситуативной) коммуникации. Однако понятие компетенции становится в таком случае относительным и никак не согласуется с концепцией самого Хомского, предпосылкой которой является именно понятие идеального говорящего, поставленного над любой личностью и ситуацией и обладающего поэтому компетенцией абсолютной. Таким образом, исключение личностных и ситуативных факторов является у Хомского не упущением, а обусловлено лингвофилософской стороной его теории. В практическом же плане (аспект правил) Хомский, как заме-

чает К. Глой [6, с. 365], конечно, ориентировался не на несуществующую абсолютную, а на собственную относительную компетенцию профессионально-лингвистического уровня, о чем уже упоминалось в несколько иной связи.

Сказанное дает основания полагать, что коммуникативная компетенция, равно как и языковая компетенция в качестве ее относительного противочлена, базируются не на отношениях внутри коммуникативной модели, а на референциальной отнесенности всей модели в целом, подгоядняясь в этом смысле к языку и подвергаясь личностно-социальной грададии. Мы называем этот комплекс «языковой оперативностью», имея в виду градуируемые знания, умения и навыки каждого из членов языкового сообщества (проекция на язык и на ко-лингвистичность).

Референциальная отнесенность, или значимость, всей коммуникативной модели может быть рассмотрена в двух аспектах: динамическом и статическом. Первый имеет дело с речевой деятельностью, второй — с ее ко-лингвистическими параметрами. Оба аспекта связаны между собой третьим, инструментальным аспектом, под которым мы склонны понимать систему языка по Ф. де Соссюру, включающую в себя, однако, не только элементарные знаки, но и их комбинации в той мере, в какой эти последние могут считаться комплексными знаками. Таким образом, сюда войдут и предложения, и сочетания предложений (сверхфразовые единства). Не исключен, естественно, и репертуар правил (по Хомскому или в иной интерпретации), подключаемый к набору элементарных знаков.

Не останавливаясь на речевой деятельности подробнее, поскольку она детально освещена в цитированных выше работах [2, 4, 6, 10—15], отметим, что при выделении ее видов не всегда легко — ввиду лингвистической метонимии — отличить саму деятельность от ее параметров и характерных средств ее оформления. Это можно проиллюстрировать, в частности, на понятии регистра, трактуемого, например, у Э. П. Шубина сначала как класс актов языковой коммуникации [2, с. 26], а затем как ее условия [2, с. 27]. В словаре Т. Левандовского приводится трактовка регистра как пучка характерных для той или иной ситуации синтактико-грамматических средств [17]. Представляется, что под регистром, согласно семантике термина, лучше все же понимать именно параметры каждого из видов речевой деятельности. К основным видам речевой деятельности относятся: а) непосредственная коммуникация, целиком осуществляемая в актуальной ситуации *hic et nunc* по отношению к ней самой или к вовлекаемым в нее ситуациям прошедшего и будущего (это является предметом теории речевого акта) и б) коммуникация, в той или иной степени отличная от ситуации *hic et nunc* и ориентирующаяся преимущественно на речевую цепь. Эта цепь отражает связную тематизацию либо «вневременных» ситуаций (как, например, в тексте статьи), либо ситуаций прошедших (например, в исторической литературе), или же фиктивных, но изображенных в виде любой из вышеназванных ситуаций событий (в беллетристике), что в целом составляет предмет лингвистики текста. Возможен, естественно, ряд переходных случаев.

Адекватных названий для обоих этих видов речевой деятельности пока не имеется, если отвлечься от эмпирических корреляций типа «разговор — рассказ» или «беседа — сообщение (сочинение)», используемых, впрочем, не только в практике преподавания родного и иностранного языков, но и в лингвистических работах [18]. В свете изложенного указанные виды речевой деятельности можно предварительно назвать ко-тактным и «погружающим», а соответствующие им регистры — ситуативным и тематическим.

Прочие ко-лингвистические параметры речевой деятельности являются статическими только в отношении к коммуникативной модели. Сама по себе они находятся в постоянном развитии параллельно языку как общественному явлению и именно поэтому выходят за рамки этой модели. Сюда относятся: 1) все данное (любое) языковое сообщество как территориально, экономически, общественно-политически и духовно организованная структура — вместе с единым языком признаки этой структуры

составляют, как известно, понятие нации; 2) все материальное и идеальное окружение в связи с человеческой деятельностью, которая в свою очередь связана с языком.

Нетрудно заметить, что данные совокупности представляют собой множественные аналоги компонентов 1, 3 и соответственно 4 из коммуникативной модели. Во вторую совокупность может быть помещен и редуцированный аналог компонента 2. Обе совокупности входят в следующую общую схему лингвистических и ко-лингвистических параметров речевой деятельности, составленную с использованием операциональных терминов, а также некоторых понятий современной лингвистистики [19, 20]:

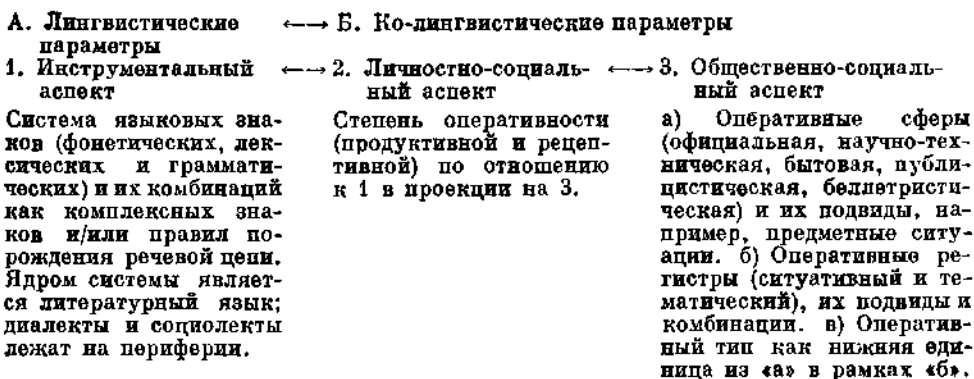

Рис. 5. Оперативная база языковой коммуникации

При языковом оперировании, т. е. при использовании языковых средств (1) в аспекте 3 соразмерно аспекту 2, этому последнему соответствует индивидуальный стиль: литературный, в том числе приподнятый, средний и сниженный, а также диалектный и социолектальный, причем последние проникают в литературный и наоборот. Пункту 3а соответствуют функциональные стили, или подязыки; пункту 3б — виды речи (разговор, рассказ; прямая, косвенная, несобственно-прямая речь) и пункту 3в — типы речи и текста. Усредненная оперативность по отношению к литературному языку в проекции на общественно-социальный аспект определяет, видимо, понятие нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Asmuth B., Berg-Ehlers L. Stilistik. Opladen, 1976.
2. Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972.
3. Karcevskij S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. — TCLP, 1929, 1.
4. Helfrich H., Wallbott H. G. Theorie der nonverbalen Kommunikation. — In: Lexikon der germanistischen Linguistik. Tübingen, 1980.
5. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. Bern — München, 1962, S. 6.
6. Gloy K. Sprachnorm. — In: Lexikon der germanistischen Linguistik. Tübingen, 1980.
7. Morris Ch. W. Zeichen, Sprache und Verhalten. Düsseldorf, 1973, S. 109 ff. u. a.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 89.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 448.
10. Леонтьев А. А. Психолингвистика. М., 1967.
11. Hornmann H. Meinen und Verstehen. Grundzüge einer psychologischen Semantik. Frankfurt-am-Main, 1976.
12. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
13. Hymes D. On communicative competence. — In: Sociolinguistics. Harmondsworth, 1972.
14. Searle J. R. Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1974.
15. Wunderlich D. Studien zur Sprechakththeorie. Frankfurt-am-Main, 1978.
16. Schröder J. — Deutsch als Fremdsprache, 1979, Hf. 6. — Rec.: Žerebkov V. A. Das Verb. Ein Hilfsbuch zur deutschen Grammatik. M., 1977.
17. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. II. Heidelberg, 1979, S. 620.
18. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1977.
19. Rieser E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M., 1975.
20. Sanders W. Linguistische Stilistik. Göttingen, 1977.